

Интервью Председателя Коллегии ЕЭК Тиграна Саркисяна о Евразийском экономическом союзе журналу The Diplomat

Кор.: Хотя первоочередной задачей ЕАЭС является стимулирование внутрирегиональной торговли, некоторые государства — члены Союза не желают расширять свои торговые связи с другими государствами — членами ЕАЭС. Свидетельством данного противодействия было общее снижение объемов торговли между Казахстаном и другими государствами — членами ЕАЭС непосредственно после присоединения Казахстана к Таможенному союзу. Чем, по Вашему мнению, объясняется нежелание некоторых государств-членов, например Казахстана, сосредоточиться на внутрирегиональной торговле, и насколько ЕАЭС преуспел в расширении внутрирегионального торгового партнерства?

Тигран Саркисян: Чтобы ответить на Ваш вопрос, для начала мы должны понять, как именно Вы оценивали это нежелание. Мы можем оценить желания государств-членов на уровне президентов, парламентов и министров, судя по их высказываниям. Но я не встречал в публичном пространстве заявлений о нежелании Казахстана расширять взаимную торговлю. Я не могу теоретизировать на тему желаний, но могу пояснить, что происходит в рамках нашего Союза.

В 2015–2016 гг. объем взаимной торговли сократился более чем на 20% из-за снижения цен на нефть и газ. Очевидно, что падение цен на нефть и газ вызвано внешними факторами. Поэтому мы не можем спекулировать на том, что это произошло в Евразийском экономическом союзе и делать вывод о том, что сокращение взаимной торговли было вызвано внутренними евразийскими факторами. Сейчас же, в 2017 г., мы наблюдаем, что спад во взаимной торговле преодолен, и все государства — члены ЕАЭС показали положительный рост ВВП и увеличение объемов внутрирегиональной торговли. В 2017 г. мы наблюдали почти 30%-й рост взаимной торговли, а также 30%-й рост торговли с третьими странами. В ближайшей перспективе мы также прогнозируем большой потенциал для роста ВВП и взаимной торговли. Для стимулирования роста взаимной торговли мы продолжаем работать над устранением препятствий в рамках ЕАЭС. Мы выявили 185 препятствий и уже достигли консенсуса по устранению 61 из них. Мы опубликовали «Белую книгу». С 2016 года уже устранили 10 основных торговых барьеров, а более 30% решений Евразийского экономического союза было связано с работой по устранению препятствий.

Кор.: Многие западные критики Евразийского экономического союза утверждали, что ЕАЭС — прежде всего политический проект с целью укрепления гегемонии России в регионе СНГ. Как может ЕАЭС способствовать тому, чтобы небольшие страны не становились объектом влияния российских интересов, а сам ЕАЭС не страдал от недостатка демократии, что когда-то помешало повышению эффективности Европейского союза?

Т. Саркисян: В Евразийской экономической комиссии предпринят ряд мер для того, чтобы быть уверенными, что небольшие страны, такие как, например, Армения и Кыргызстан, могут влиять на процесс принятия решений. Все государства — члены ЕАЭС равно представлены в органах Союза. Армения и Кыргызстан представлены таким же числом министров, как Россия, Казахстан и Беларусь. Процесс принятия решений в ЕАЭС происходит на основе консенсуса. Малые государства-члены имеют право блокировать решения, которые не отвечают их интересам, и также могут оказывать влияние на политику, вырабатываемую более крупными странами. Создание ЕАЭС расширило экономическое влияние небольших стран, поскольку эти страны теперь оказывают влияние на решения, которые принимаются и распространяются на население численностью 180 миллионов человек. Россия приветствовала такой подход, и решение делегировать принятие решений по экономическим вопросам наднациональным органам имело целью именно сохранение суверенитета меньших государств.

Кор.: Евразийский экономический союз попытался расширить свое экономическое влияние за пределы региона СНГ посредством создания сети соглашений о свободной торговле и проведения обсуждений с различными странами мира о членстве в ЕАЭС. Как Вы думаете, будет ли Россия приветствовать вступление крупных государств, не являющихся членами СНГ, таких как, например, Турция, в ЕАЭС, даже если это членство ослабит влияние Москвы на данную организацию? И как ЕАЭС убеждает союзников США и государства, являющиеся членами ЕС, заключать соглашения о свободной торговле с данной организацией, если заключение пакта о свободной торговле с ЕАЭС может иметь значительные негативные последствия в дипломатической сфере?

Т. Саркисян: ЕАЭС проводит переговоры по соглашениям о свободной торговле с теми странами, которые к нам обращаются. Такое желание изъявили многие. Президенты пяти стран, входящих в ЕАЭС, на консенсусной основе определяют приоритеты по ведению нами переговоров о зоне свободной торговли. Любое государство-член может заблокировать решение по торговому соглашению. До принятия таких решений мы тщательно оцениваем их экономические последствия, насколько выгодным будет заключение такого соглашения. В настоящее время мы уже заключили соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом. Президенты наделили нас полномочиями также вести переговоры о зоне свободной торговли с шестью другими странами, среди которых — Египет, Израиль, Индия, Иран, Сербия и Сингапур. Мы также планируем подписать торгово-экономическое соглашение с Китаем¹.

Я хотел бы подчеркнуть, что соглашения о свободной торговле — не единственный инструмент, при помощи которого мы расширяем свое международное присутствие. У нас имеются меморандумы, подписанные с девятью другими странами: с Грецией, Монголией, Молдовой, Чили, Перу, Сингапуром, Камбоджей, Иорданией и Марокко. Мы готовы подписать меморандумы с Бангладеш, Кубой, Таиландом и рядом других стран. Около 50 стран по всему миру желают сотрудничать с ЕАЭС, а некоторые поднимают вопрос о присоединении к нашему Союзу.

ЕАЭС — это чисто экономическое образование, и решения принимаются исключительно из экономической целесообразности. К сожалению, отсутствие диалога между ЕАЭС и Европейским союзом приводит к тому, что договоренности между нами и странами — членами ЕС не могут быть оформлены договорами, однако европейский бизнес работает с нами на национальном уровне. Мы активно вовлечены в бизнес-диалог с компаниями Соединенных Штатов Америки, Германии, Италии и Греции. Предприниматели этих стран заинтересованы в нашей деятельности.

Нежелание ЕС сотрудничать с нами влияет на географию наших международных торговых связей, и вследствие этого ЕАЭС сделал акцент на укреплении связей с Азиатско-Тихоокеанским регионом. В 2016 г. увеличение объемов торговли со странами Азиатско-Тихоокеанского региона компенсировало соответствующее снижение объемов торговли с ЕС, и теперь доля нашего импорта из стран Азиатско-Тихоокеанского региона выше, чем доля импорта из ЕС. Интересно, что желание бизнеса не совпадает с волей политиков. Эту ситуацию мы обсуждали на Петербургском экономическом форуме в течение последних двух лет. Бизнес-сообщества ЕАЭС и ЕС заинтересованы в расширении сотрудничества, но тренд пока идет в ином направлении.

Кор.: Начиная с середины 1990-х гг. сохранение открытых границ в регионе СНГ являлось центральным вопросом переговоров по созданию Таможенного союза в Евразии. Некоторые страны, например Казахстан, не желали в полной мере проводить в жизнь данную политику открытых границ, будучи обеспокоенными [возможным] передвижением террористических групп и незаконным оборотом наркотических средств внутри ЕАЭС. Как ЕАЭС удалось убедить государства-члены в полной мере соблюдать политику открытых границ и преодолеть разногласия по поводу границ?

Т. Саркисян: Прежде всего, необходимо разделить вопросы границ и таможи, таможенных границ. Евразийский экономический союз как экономическая организация работает в рамках таможенных вопросов, то есть физического перемещения товаров через границы. Угрозы терроризма и незаконного оборота наркотиков, о которых Вы упомянули, были и есть, но это вопросы безопасности, которые обсуждаются в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Кроме того, я хотел бы отметить, что все большую проблему начинает представлять собой цифровая безопасность. Думаю, цифровую безопасность нельзя противопоставлять другим проблемам, связанным с безопасностью. Необходимо находить решения. И в этом отношении мы не отличаемся от Евросоюза.

Кор.: ЕАЭС проявил интерес к углублению сотрудничества с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и экономическим проектам под эгидой Китая, таким как «Один пояс — один путь» и «Новый шелковый путь». Как ЕАЭС обеспечивает отсутствие разногласий между своей сферой компетенции и проектом «Один пояс — один путь»? И видит ли ЕАЭС угрозу в растущем влиянии Китая в Центральной Азии?

Т. Саркисян: Существование наднационального диалога между ЕАЭС и Китаем не отменяет двусторонние связи между Китаем и государствами-членами [ЕАЭС]. Мы вели переговоры с Ки-

¹ Удалить слово? Примечание. В октябре 2017 г., после того, как было взято это интервью, Евразийский экономический союз и Китай объявили о завершении переговоров по содержанию Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве.

таем, основываясь на полномочиях и сфере компетенции, которые были определены для нас президентами. Иные вопросы, не вошедшие в нашу сферу компетенции, являются темой для переговоров на национальном уровне. Целью экономического сотрудничества между ЕАЭС и Китаем является соблюдение экономических интересов ЕАЭС. Китайские политики практикуют такой же подход. Поэтому мы не видим в Китае угрозы. У Китая и ЕАЭС много точек соприкосновения и общих интересов. Например, все мы полагаем, что гармонизация стандартов будет стимулировать деловое сотрудничество и устранил бюрократические преграды. Естественно, мы будем принимать решения, отражающие наш интерес. И данный вопрос не относится исключительно к Китаю, если вернуться к Вашему предыдущему вопросу о влиянии больших стран на малые государства. Торговые партнерства, созданные между государствами — членами ЕАЭС и Китаем, напоминают те партнерства, которые создают США со своими соседями и меньшими странами.

Источник: Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/24-10-2017.aspx>